

Н. ГУМИЛЕВ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Понятие целостности, единства является одним из центральных в мировоззрении Н. Гумилева. Пользуясь его же термином (незавершенный трактат «Теория интегральной поэтики») самого поэта можно назвать интегральной личностью. Остановимся на двух «единствах» в его мировосприятии. Во-первых, поэзия для Н. Гумилева это неразделимое единство поэтики и поэтической психологии, и, во-вторых, для поэта, по словам Н. Гумилева, необходимо единство жизни и творчества. Сначала нужно жить, а потом писать, т.к. «прежде чем в стихах, поэзия должна воплотиться в самом поэте и превратить его жизнь в произведение искусства» [1, с.154].

Рассмотрим первое единство. Хотя разработке формы, т.е. поэтике, Н. Гумилев уделял много внимания, важность Слова для него очевидна. Сам поэт говорил: «Вначале было Слово, из Слова возникли мысли, слова, уже не похожие на Слово, но имеющие, однако, источником Его; и все кончится Словом – все исчезнет, останется лишь Оно» [цит. по: 2, т. 3, с. 297]. Что подтверждал поэтическими строками: *И от мысли родилось слово – Предводитель священных числ* [2, т. 1, с. 434]. *А для низкой жизни были числа, Как домашний подъяремный скот* [2, т. 1, с. 291].

Он писал об этом не только в стихах, но и в прозе: «Там, внизу, уже нет жизни, есть только смутное растительное прозябание, бытие цифр» [2, т. 2, с. 253]. Вспомним также неоконченную повесть «Веселые братья», где обсуждается вопрос о «счете», который есть «грех великий, сатанинское разделение». «Бога из цифр вывели, так за Богом еще что-нибудь выводить начнете... Вот вы все три да три. Так, пожалуйста и три мира подавайте, земной, Божеский и еще какой... » [2, т. 2, с. 289].

Таким образом, становится понятным, что число для Н. Гумилева не могло быть отправной точкой, а лишь одним из аспектов его мировоззрения.

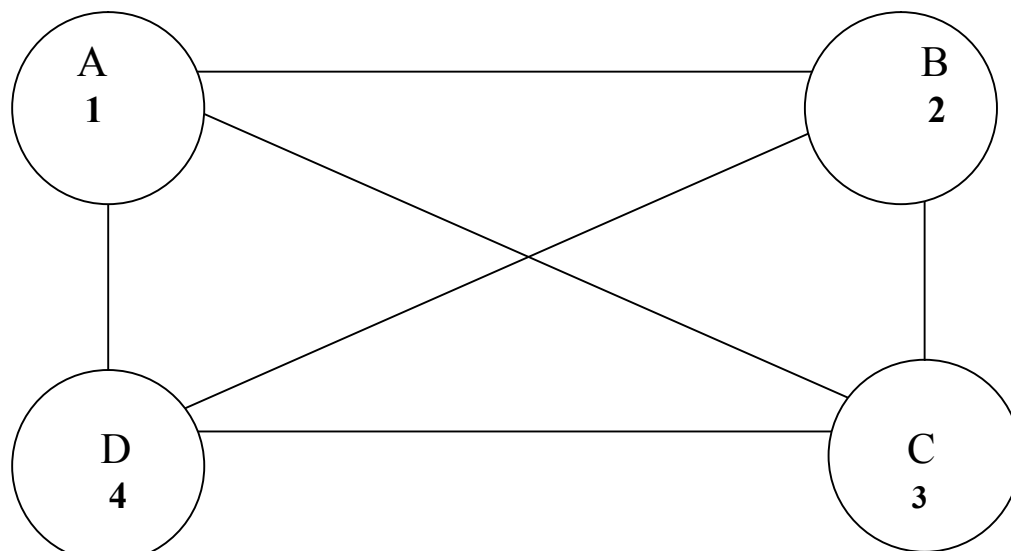
Однако в его рукописях сохранились как минимум две схемы (а было их гораздо больше. Так, К. Чуковский вспоминал о том, что было около десятка «замысловатых таблиц» [1, с. 130].)

Схема 1 находится в рукописи статьи «Анатомия стихотворения» [3, с. 256-257] и представляет схему идеального стихотворения с одной стороны (1, 2, 3, 4) и историю поэзии с другой (А, В, С, D).

Стихотворение, согласно теории Н. Гумилева, должно удовлетворять «не только воображение, но и чувству, не только глазу, но и уху» [1, т. 3, с. 196]. «Каждый из этих отделов (фонетика, стилистика, композиция и эйдология – Е.К.) незаметно переходит в другой, а эйдология непосредственно примыкает к поэтической психологии. В действительно великих произведениях поэзии всем четырем частям уделено равное внимание, они взаимно дополняют одна

другую» [1, т. 3, с. 27]. Таким образом, данная схема является как бы микро и макрокосмом, представляя собой и отдельно взятое поэтическое произведение, и историю поэзии. Кроме того, подчеркивается единство Слова как содержания данной схемы, и Числа, на основе которого она построена.

Схема 1



1 – фонетика; 2 – стилистика; 3 – эйдология; 4 – композиция.

AD – школа Петрарки

AB – символизм

AC – немецкий романтизм

BD – греческая поэзия александрийского периода

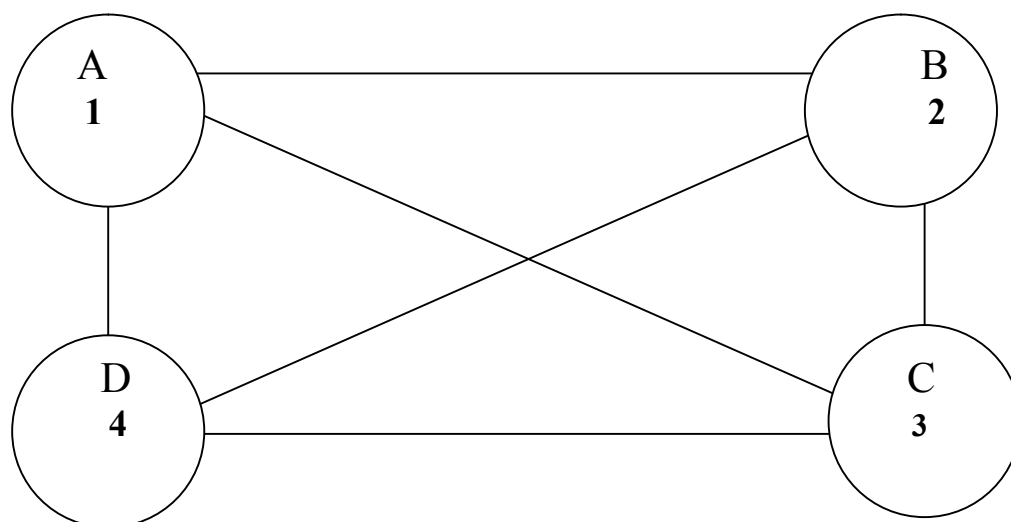
BC – французский романтизм

DC – европейский классицизм

A – футуризм; B – стилизация; C – реализм; D – парнасская школа.

Следующая схема (Схема 2) прилагалась к плану «Теории интегральной поэтики», согласно которому Н. Гумилев читал лекции в Институте живого слова и многочисленных студиях и сопровождалась списком поэтов [см. 1, т.3, с. 330]. Она, скорее всего, отражает один из аспектов эйдологии, учения об образах. Список, приведенный Н. Гумилевым для этой схемы, следующий: Пушкин, Лермонтов, Державин, Жуковский, Тютчев, Некрасов; Бальмонт, Брюсов, Блок, Сологуб, Кузмин. Ахматова, Мандельштам, С. Городецкий, я (т.е. Н. Гумилев – Е.К.)

Схема 2



1 – воин, 2 – купец, 3 – пария, 4 – клерк согласно классификации Н. Гумилева.

AD – воин-клерк – Лермонтов

AB – воин-купец

AC – воин-пария

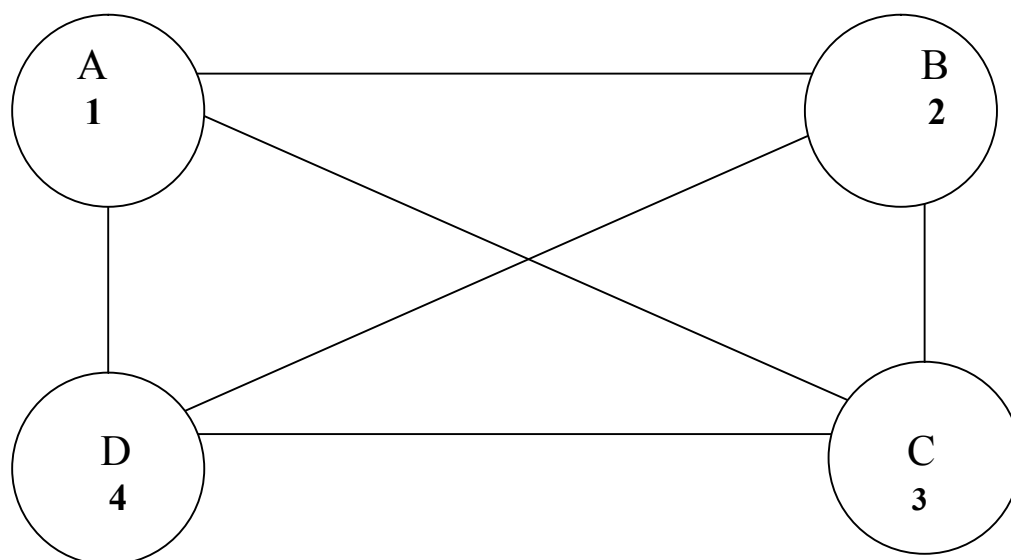
BD – купец-клерк

BC – купец-пария – Некрасов

DC – Блок

Если схема одного стихотворения у Н. Гумилева разворачивается сначала в схему истории поэзии, а затем в схему типов поэтов, которые соответствуют Богам, то эта же схема может быть вполне применена к самому Н. Гумилеву, к его жизни и творчеству. Примем во внимание и тот факт, что Н. Гумилев сам включил себя в одну из них. Поэтому представляется возможным составить третью – схему личности самого поэта.

Схема 3



1 – воин, 2 – купец, 3 – пария, 4 – клерк согласно классификации Н. Гумилева.
[см. также 1, т.3, с. 5].

Сам Н. Гумилев выделял в себе ипостаси поэта, путешественника и воина. При этом как друиды раскололись на поэтов и жрецов, так и поэт у Н. Гумилева не просто поэт, а еще и учитель. Таким образом, А – воин (война), В – путешественник (Африка), С – поэт (лирика), D – учитель (Цех поэтов, студии).

AB – путешественник-воин (охота, Африканский дневник)

BD – путешественник-учитель (этнографические коллекции)

DC – учитель-поэт (критические статьи)

CA – поэт-воин (стихи о войне)

BC – поэт-путешественник (стихи об Африке)

AD – воин-учитель (возможно, смерть)

Для этого поэт должен «равномерно напрягать все силы своего духа» [1, т.3, с. 117].

Идею «жизнетворчества» он применял даже к смерти – своеобразное «смертетворчество»: *...несравненное право – Самому выбирать свою смерть* [1, т.1, с. 58].

И говорил следующее: «Смерть действительно играет огромную, даже иногда решающую роль в славе поэта. Героическая смерть может поставить поэта на пьедестал... Я очень надеюсь, что Бог услышит мои молитвы и пошлет мне достойную, героическую смерть» [5, с. 236]. Однако он чувствовал, что смерть его будет хотя и «достойной поэта», но – страшной: «Как трагична судьба русских поэтов!...Иногда мне кажется, что и я не избежну общей участи, что и мой конец будет страшным» [5, с. 111]. Об этом же в стихах: *И если я волей себе покоряю людей, И если слетает ко мне по ночам вдохновенье, И если я ведаю тайны – поэт, чародей, Властитель вселенной, – тем будет страшнее паденье...* [1, т.1, с. 132].

Он говорил, что «мало родиться поэтом, надо суметь остаться поэтом в продолжении всей жизни, до самой смерти» [1, с. 154] и что «поэту необходима напряженная, разнообразная жизнь, полная борьбы, радостей и огорчений, взлетов и падений» [5, с. 114].

Таким образом, схемы Н. Гумилева не только не доказывают примат числа над словом в его мировоззрении, но и лишний раз убеждают нас в том, что он является личностью целостной, интегральной, стремящейся к воплощению единства Слова и Числа.

Цитированная литература

1. Жизнь Николая Гумилева: В воспоминаниях современников / Сост., авт. Комментар. Зобнин Ю.В. и др. – Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991.
2. Гумилев Н.С. Сочинения: В 3-х т. – М., 1991.
3. Лукницкая, В.К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домаш. архива семьи Лукницких. – Л.: Лениздат, 1990.
4. Раскина Е.Ю. Мифопоэтическое пространство поэзии Н.С. Гумилева – С. – Петербург, 2000.
5. Одоевцева, И.В. На берегах Невы / Вступ. ст. Кедрова К.; Послел. Сабова А. – М.: Худож. лит., 1988.

Анотація

У статті розглянуто відомі нам схеми поетиці, які збереглися у рукописах М.С. Гумільова. Аналіз заснований на його віршах і висловах, спогадах сучасників.

Annotation

The schemes on poetics, which were found in the manuscripts of Nicolay Gumilov, prominent figure of silver age of the Russian culture are analyzed. The analysis is based on his poems and utterances, recollections of his contemporaries.